

Элла Панеях

Общество, которого нет

Автор «Моральных основ отсталого общества» — один из самых известных американских интеллектуалов своего поколения. Эдвард Бэнфилд несколько десятилетий преподавал в Гарвардском и Чикагском университетах, был другом Милтона Фридмана и Лео Штрауса, работал советником Ричарда Никсона и Рональда Рейгана, написал множество книг, не раз становившихся предметом бурных дискуссий. Его биография могла бы послужить материалом для фильма про американскую *success story*: будущий ученый вырос на ферме около Хартфорда, после школы пошел учиться в местный колледж на агронома, но еще во время учебы начал заниматься журналистикой. В выпускной 1938 год Бэнфилд женился на Лоре Фазано — позже она фактически станет соавтором «Моральных основ». После колледжа Бэнфилд стал работать в газете — нет, не писать статьи, а продавать рекламу, — но вскоре перешел на государственную службу. Он работал в нескольких федеральных агентствах, порожденных идеями «нового курса» — политики энергичного государственного вмешательства в экономику, необходимого, по мнению его сторонников, для предотвращения экономических кризисов, подобных Великой депрессии.

Первое место работы Бэнфилда в качестве чиновника — Отдел Министерства сельского хозяйства США по спасению

лесных ресурсов на Северо-Востоке, временная организация, созданная для ликвидации последствий урагана 1938 года, уничтожившего значительные объемы леса в восьми штатах. Агентство скупало поваленный лес и пыталось организовать его хранение и переработку за государственный счет — чтобы уберечь от банкротства частные лесные хозяйства, избежать потери коммерчески ценной древесины и предупредить лесные пожары, которые должны были возникнуть из-за поваленных деревьев, — а заодно поддержать затронутые бедствием комьюнити и спасти сам рынок леса. Закончилось дело потерями на миллион с лишним тогдашних долларов, хотя кое-что действительно удалось спасти. Следующие места работы Бэнфилда — Фермерское управление Нью-Гэмпшира и Федеральное управление по защите фермерских хозяйств, задачей которых являлась государственная поддержка фермерства. Там Бэнфилд занимался тем, что станет неизменным предметом его научного интереса: государственными программами борьбы с бедностью. Попытки возрождения сельского хозяйства в проблемных районах, поддержка беднеющих фермеров и разоряющихся предпринимателей, создание «сверху» рабочих мест для сельскохозяйственных рабочих — об этом написаны многие из его книг. В 1946 году, разочаровавшись в идеях «нового курса», Бэнфилд поступил в аспирантуру Чикагского университета. Диссертация была посвящена провалу правительственного эксперимента по организации кооперативной фермы в Аризоне и была издана под заглавием «Государственный проект» в 1951-м. После защиты Бэнфилд остался работать и преподавать в том же университете, и вскоре была напечатана его вторая книга, «Политика, планирование и общественные интересы» (1955; в соавторстве с Мартином Мейерсоном), открывшая серию его работ о провалах городского планирования в деле помощи бедным, в особенности там, где это касалось строительства субсидированного жилья.

В 1959 году, после выхода «Моральных основ отсталого общества», о которых речь пойдет ниже, Бэнфилда приглашают работать в Гарвард. Опубликованная через десять лет книга

«Град ненебесный» стала настоящим бестселлером и навлекла на себя не только шквал академической критики, но и волну общественного возмущения — настолько серьезную, что через четыре года автор выпустил новую, пересмотренную версию книги. Обвинения в адрес автора включали расизм, перекалывание на бедных ответственности за их бедственное положение, отрицание роли дискриминации и исключения в воспроизводстве неравенства — и во всех случаях эти обвинения не до конца справедливы. Бэнфилд не отрицает существования и значения разнообразных общественных зол (но констатирует, что их влияние на положение бедных неуклонно снижается), никогда не опускается до примитивного эссенциализма в объяснении социальных явлений и приписывает воспроизводство городской бедности — и сложностей в борьбе с ней — исключительно культурным факторам как он их понимает, то есть психологическим особенностям и ценностям бедных горожан.

О влиянии идей Бэнфилда на умы современников говорит, например, такой факт: именно ему посвящен знаменитый сборник «Культура имеет значение», изданный Сэмюэлом Хантингтоном и Лоуренсом Харрисоном в 2000 году. Первый из составителей не нуждается в представлении, другой прославился книгой с красноречивым названием «Отсталость в голове: случай Латинской Америки» (1985). Собственно, в этих двух заголовках и заключен главный пафос работ Бэнфилда. Культура имеет значение, и отсталость является проблемой сферы ценностей и установок, а не материального мира. Отсталость для Бэнфилда — это рутинизированный образ действий, короткий, как мы бы сейчас сказали, горизонт планирования и собственно «отсталые» ценности, которые могут быть усвоены с традиционным образом жизни, а могут быть приобретены в условиях нестабильности и скудного существования, особенно когда люди, попавшие в столь невыгодные обстоятельства, скучены и предоставлены друг другу. Худший способ помочь им выбраться из бедности — это собрать их в одном месте (как это делается в городских проектах строительства субсидированного жилья

или само собой происходит в различных гетто) и оказывать им финансовую поддержку, исходя из свойственных чиновникам и политикам представлений о прекрасном. Эта мысль приводит Бэнфилда к сомнениям в эффективности правительственных программ борьбы с бедностью и порождает интерес к городскому планированию и городской политике, весьма критические и спорные работы о которых и составляют основной корпус его исследований. Досталось также и международной помощи развивающимся странам, и вообще централизованному планированию как способу подстегнуть развитие общества.

В 1955 году, задумавшись о причинах провалов правительственных программ, Бэнфилд отправляется в южную Италию (под вымышленным для книги названием Монтеграно скрывается коммуна Кьяромонте в Базиликате), чтобы своими глазами увидеть и изучить общество, обладающее чертами «отсталости» — теми же чертами, которые он находил прежде и неизменно будет находить впоследствии в тех людях и сообществах, чьи культурные особенности не позволяют внедрить в них прогресс и цивилизацию «сверху». Это единственная книга автора, написанная на иностранном материале, самая насыщенная эмпирикой и, возможно, самая интересная современному читателю.

По всей вероятности, именно в ходе работы над «Моральными основами отсталого общества» окончательно оформилась основная мысль Бэнфилда: отсталость — идет ли речь о стране, городском сообществе или о социальной группе — является продуктом особых культурных паттернов, которые ее консервируют и воспроизводят. Разобщенность, отсутствие норм и ценностей, способных обеспечить доверие и сотрудничество, склонность жить сегодняшним днем и неумение/нежелание действовать коллективно сначала становятся последствиями, а затем и причинами стесненных условий существования.

На юге Италии Бэнфилд видит перед собой общество, не похожее на то, которое он считает естественным и нормальным, и ничем не напоминающее высокоиндустриализированную Америку больших городов, университетов, американского среднего

класса, к которому он сам принадлежит, но, видимо, весьма напоминающее ему депрессивные сельские сообщества, малоэффективной помощью которым он занимался на ранних этапах своей карьеры. Он видит общество, которое руководствуется совершенно другими ценностями и которое, что может быть еще важнее, имеет совершенно другую картину мира. И еще одно существенное обстоятельство — перед ним фасад этого общества, за который не так-то легко проникнуть. В фокус его интерпретации попадает только то, что рассказывают местные крестьяне иностранцам, представителям среднего класса, приезжим, чужакам, и в этих интервью — благо, автор щедр на цитаты — социологу нетрудно увидеть, что они разговаривают с человеком, который смотрит на них сверху вниз с высоты своего образования, дохода, городского воспитания и принадлежности к более продвинутому, развитому обществу, а также, не исключено, с позиции победителя в войне — симптоматично, что поражение Италии во Второй мировой никто из респондентов Бэнфилда практически не упоминает.

Бэнфилду представляется, что он наблюдает устоявшийся уклад, ту самую традиционность, отсталость, которая воспроизводит сама себя, — что делает подобное общество столь трудным объектом для рационального реформирования. Однако знакомому с контекстом современному читателю представляется, что он видит уклад распадающийся. Процесс фундаментальной трансформации общества происходит на его глазах, оставаясь, в основном, незамеченным; он видит момент, когда бывшая традиционная община, прошедшая через потрясения, настолько глубокие, что о них не говорят, трансформируется в сообщество, пусть провинциальное, но уже организующееся по образцу современного современного массового общества. Приход индустриального уклада, рост пространственной мобильности, урбанизация, современная партийная система — все это стучится в дверь Монтеграно.

Наиболее наглядно это проявляется в рассуждениях Бэнфилда о специфике местной семьи. Он вводит понятие аморального

фамилизма и видит в нем главную характеристику пресловутой отсталости южных итальянцев. Что же это такое? Готовность ориентироваться на благо семьи, даже в ущерб себе и определенно в ущерб всем остальным. Подозрительность к чужакам. Отсутствие прочных связей с соседями и даже кумовьями и дальними родственниками. Оппортунизм в отношении ко всем, кроме членов собственной нуклеарной семьи. Похоже ли это на стабильное, самовоспроизводящееся традиционное общество?

Фактически Бэнфилд застаёт переломный момент, когда большая традиционная многопоколенческая семья преобразовывается в нуклеарную, еще сохраняя ценности и картину мира, характерные для жизни в расширенной семье. К примеру, его удивляет, что у семьи нет прочных дружеских связей. Хорошие отношения с соседями налаживаются ситуативно, по необходимости, но если соседи переезжают в другую часть города и больше не нужны, то и отношения больше не поддерживаются, люди фактически перестают быть знакомы и даже не здороваются. Все это не похоже на привычную семейно-клановую систему традиционного малого сообщества. Человек, для которого еще естественно жить внутри большой сети родственников, внутри традиционной расширенной многопоколенческой семьи, где люди живут в разных домах, но сохраняют связи и опираются на родственников, то есть человек, существующий в условиях по-настоящему традиционного малого сообщества, оказывается в новой для себя ситуации. Семейные кланы уже распались, и та лояльность, преданность и внутригрупповой альтруизм, которые предназначались большому клану и служили полноценной сеткой безопасности и полноценным кругом общения в прошлых поколениях, теперь достаются маленькой нуклеарной семье из жены и все еще не одного-двух, но уже и не пяти-десяти детей.

В интервью часто упоминается, что интервьюируемые сами были пятыми, шестыми детьми в семье. В прежних условиях низкая продолжительность жизни сочеталась с большим количеством детей, и родители респондентов (тот из них, кто жил

дольше) успевали не по одному разу выйти замуж или жениться: Бэнфилд обращает внимание на то, что каждый второй воспитан мачехой или отчимом, и с этим связаны разнообразные травматические воспоминания детства. Для американской семьи 1950-х это уже давно не так, продолжительность жизни начинает приближаться к современной, а родители, как правило, еще не разводятся, так что обычно успевают вдвоем вырастить общих детей. Характерно, что уже у детей самих интервьюируемых, как правило, двое родителей или одна мать, но чаще нет почти обязательной в прошлом мачехи или отчима. В этой разнице между отцами и детьми заключается важное поколенческое различие, и такое неустойчивое, переходное состояние семьи порождает те ценности и стратегии, которые Бэнфилд трактует как отсталость.

Бэнфилд фиксирует состояние кризиса, но сам интерпретирует его не как кризис, а как устойчивое и воспроизводимое ущербное состояние, слабость организации общества. В южно-итальянской глубинке он видит черты традиционного общества — недоверие к чужакам, готовность этих чужаков обманывать, предполагающая, что ты можешь встретить человека один раз в жизни и эти однократные отношения с ним не нуждаются в опоре на твою репутацию. Но Бэнфилд не замечает, что в рассматриваемый период, когда мобильность в обществе повышается, а традиционные семейные связи распадаются, чужаками становятся практически все, с кем ты живешь в одном поселении. Система соседских связей, структура малого сообщества переживает кризис, и в ответ на это изрядную часть функций по поддержанию порядка берут на себя внешние государственные институты. Так, например, в Монтеграно присутствует полиция, которая постоянно следит за порядком — с любого угла этого города можно докричаться до патруля карабинеров. При этом такого рода новые механизмы пока слишком чужеродны — особенно те, что связаны с отдаленной центральной властью, — и люди, только что вышедшие из традиционной общины, не испытывают по отношению к ним достаточного до-

верия, чтобы этим механизмам удалось заменить старые, распадающиеся «скрепы». Таким образом, мы можем констатировать недостаток институтов, обеспечивающих неоппортунистическое поведение и, соответственно, расцвет оппортунизма в отношениях со всеми, с кем взаимодействие не носит повторяющегося характера. Мы видим город, слишком разросшийся для того, чтобы все, кто живет в нем, считали друг друга полноценными земляками, которых нельзя обманывать. Это уже современная жизнь и современный город, многие из него, как это видно по интервью, уезжают и появляется большой стимул относиться к землякам не как к соседям, а как к чужакам. А с другой стороны, многие в этот город, наоборот, приезжают, и даже если вы по-прежнему готовы вести себя по правилам традиционного сообщества с его высоким уровнем доверия, вокруг слишком много чужаков, чтобы ваша готовность не подвергалась непрерывному испытанию.

На город, можно сказать, надвигается структура современного индустриального общества с партиями, с профессиональными ассоциациями, с политиками, которые приходят со стороны. По отношению к этой структуре необходимо как-то определяться, в то время как у людей еще не сформировались ни новые ценности, ни новые представления о мире и способах взаимодействия с ним, а старые в новых условиях ни на что не годятся. Кроме того, это общество находится в ситуации двойного экономического кризиса: это послевоенный экономический кризис, который к тому же в этой конкретной местности усугубляется тем обстоятельством, что традиционный сельскохозяйственный образ жизни просто переживает упадок в процессе индустриализации. Сельское хозяйство, в котором заняты жители городка, из флага становится самым отстающим сектором экономики, привычные экономические стратегии перестают кормить.

Трудно сказать, встроены ли концентрация на выживании, оппортунизм и импульсивность в структуру ценностей описываемого общества так глубоко, как об этом пишет Бэнфилд, —

может быть, это просто следствие очень длительного периода экономических трудностей, военного и послевоенного, и слома довоенной структуры общества. Автор говорит о страхе перед соседской завистью, приводя этому яркие примеры: люди прячутся от соседей, когда проносят в дом куриное яйцо или кусок колбасы. Учитывая, что речь идет о семьях с детьми, эти примеры могут многое сказать нам о том, в каком экономическом положении находятся эти люди. Эта бедность такова, что в обществе просто нет горизонта ценностей, нет, образно говоря, доступа к следующим уровням пирамиды Маслоу.

При всех ограничениях, значение подхода Бэнфилда в качестве исследователя институтов заключается в том, что он рассматривает их как общественные структуры, способствующие координации между людьми. Он понимает социальный капитал весьма современным образом: как, с одной стороны, рутинные практики, нормы, ценностные установки, взгляд на мир, которые способствуют кооперации «ради общего блага», а с другой — как достаточное количество продуктивных связей между людьми, чтобы эта кооперация стала возможной. Среди причин «отсталости» Бэнфилд называет неспособность институтов этого общества обеспечить достаточный уровень сотрудничества и координации. Если люди не доверяют друг другу, завидуют и боятся зависти окружающих, склонны к обману в отношении практически всех, сосредоточены на благе исключительно собственной семьи — это приводит к глубокой стагнации. Бэнфилд оказался прав если не в диагнозе, то в прогнозе: отставание южной Италии не преодолено до сих пор.

Перед нами влиятельная книга и новое слово в институциональной теории, а кроме того, это фактически антропологическая работа — пусть и выполненная не антропологом, со всеми ограничениями авторского подхода, — сохранившая для нас картину жизни в итальянском городе 50-х годов прошлого века глазами институционалиста с системным и острым взглядом. И все-таки эта книга незаслуженно льстит нам, потому что мы гораздо больше похожи на автора, чем на его респонден-

тов. «Ах вот почему они настолько хуже меня!» — радостно воскликнет университетский читатель, который увидит их «моральную отсталость». Но собственно сделанное Бэнфилдом антропологическое описание не теряет своего значения, даже если вы не соглашаетесь ни с его интерпретацией, ни с несколько высокомерной общей позицией автора. Сегодня, когда институциональный подход к осмыслению реальности стал общим местом, главная ценность этой книги заключается в собранном в ней богатейшем эмпирическом материале. Автор щедро делится цитатами из интервью, подробнейшим образом описывает то, что ему удастся узнать. И современный читатель получает возможность как будто под микроскопом увидеть общество, которое уже давно перестало существовать.

*Автор — доцент Высшей школы экономики,
Санкт-Петербург*